

М. О. Гершензон.

СНЫ ПУШКИНА

Пушкин рано заметил загадочное явление сонной грезы и на протяжении лет, как увидим, временами пристально размышлял о нем. В своих произведениях, начиная с «Руслана и Людмилы» 1817-1819 г.г., кончая «Капитанской дочкой» 1833 года, он изобразил пять сновидений. Собрав их вместе и внимательно рассмотрев, можно до некоторой степени уяснить себе общую мысль Пушкина о сновидении, если только у него сложилась такая единая мысль, или, по крайней мере, узнать характер и причины его интереса к этому явлению. В делах такого рода надо больше всего остерегаться поспешных обобщений; поэтому я разберу каждый случай отдельно, как если бы он был единственным, и только в конце попытаюсь соединить свои наблюдения в один итог, насколько это окажется возможным.

1. Сон Руслана.—Руслан уже убил своего соперника Рогдая, нашел Людмилу и везет ее сонную в Киев, где, по обещанию добродетельного Финна, она проснется. После стольких преволнений его цель достигнута; казалось бы, он должен быть счастлив. Может быть, его смутно тревожит мысль о другом его сопернике, Фарлафе, который одновременно с ним выехал на поиски Людмилы и теперь находится неизвестно где? Фарлаф труслив и коварен; возможно, что Руслан бессознательно ждет и боится вероломства с его стороны. Ночью, спешившись под курганом, сняв с седла спящую Людмилу, Руслан сидит в задумчивости; дремота понемногу одолевает его; наконец он уснул.

И снится вѣщій сонъ герою.
Онъ видитъ, будто бы княжна
Надъ страшной безднѣ глубиною
Стоитъ недвижна и блѣдна...

И вдруг Людмила исчезаетъ,
Спойтъ одинъ надъ бездною онъ...
Знакомый гласъ, призывный спонъ
Изъ тихой бездны вылетаетъ...
Русланъ спремится за женою—
Спремглавъ лепитъ во тѣмѣ глубокой...
И видитъ вдругъ передъ собой:
Владимиръ въ гридницѣ высокой,
В кругу сѣдыхъ богатырей,
Между двѣнадцатю сынами,
Съ толпою названныхъ гостей,
Сидитъ за бранными столами.
И такъ же гнѣвнъ старый князь,
Какъ въ день ужасный разставанья;
И всѣ сидятъ не шевелясь,
Не смѣя перервать молчанья.
Утихъ веселый шумъ гостей,
Не ходитъ чаша круговая...
И видитъ онъ среди гостей
Въ бою сраженного Родая:
Убитый, какъ живой, сидитъ;
Изъ опѣннаго стакана
Онъ, весель, пѣтъ и не глядитъ
На изумленного Руслана.
Князь видитъ и младого хана,
Друзей и недруговъ... и вдругъ
Раздался гуслей бѣглый звукъ
И голосъ вѣщаго Баяна,
Пѣвца героевъ и забавъ.
Вступаетъ въ гридницу Фарлафъ,
Ведетъ онъ за руку Людмилу;
Но старецъ, съ мѣста не привставъ,
Молчитъ, склонивъ главу унылу;
Князья, бояре—всѣ молчатъ,
Душевные движенья кроя,
И все исчезло—смертный хладъ
Объемлетъ спящаго героя.

Сон явно распадается на две части. Первая часть его: падение Людмилы в бездну, ее призывный спон оттуда и успрямление Руслана ей во след естъ—несомненно отражение пережитых Русланом превог, его ужаса при исчезновении Людмилы, долгого спрахъ за нее, неизвестно-

сти, поисков. Но вторая половина сна есть предвидение и пророчество: ведь Фарлаф действительно в эту же ночь похищает у него Людмилу и увозит ее в Киев. Сон почти полностью осуществляется на деле; только во сне Фарлаф при звуках Баяновой песни вводит Людмилу за руку в гримлицу Владимира, — в действительности он внесет ее, спящую, на руках, и Баяна не будет там; но, как и во сне, появление Фарлафа с Людмилой не обрадует ни Владимира, ни его гостей, — все останутся погруженными в уныние. Даже предположив в Руслане тот безотчетный страх перед Фарлафом, такое точное предвидение фактов остается загадкой.

2. Сон Марьи Гавриловны в «Метели». — Пушкин недаром снабдил этот рассказ эпиграфом из Жуковского, где есть стих: «Въщій сонъ гласитъ печаль!» В ночь перед бегством Марье Гавриловне снится сон. С вечера она не ложилась — укладывала вещи и писала письма. Легко представит себе ее душевное состояние в эту ночь. Она готовится совершить страшное преступление против родителей, да и сама, конечно, пугается своего поступка и неизвестной будущности, ожидающей ее за порогом родного дома. Этих мыслей достаточно, чтобы объяснить ее первый сон. Перед рассветом она бросилась на постель и задремала; но и тут ужасные мечтанья поминутно ее пробуждали. То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтобы ехать, отец ее оставил ее, с мучительной быстротой тащил ее по снегу и бросал в темное, бездонное подземелье.. и она летела стремглав с неизъяснимым замираньем сердца». Этот сон, конечно, не более, как образ и воплощение тревожных чувств Марьи Гавриловны, ее страхов и угрызений совести. Но как понять ее второе сновидение? «То видела она Владимира, лежавшего на правѣ, блѣднаго, окровавленнаго. Онъ, умирая, молилъ ее пронзительнымъ голосомъ послѣшить съ нимъ обвѣнчаться». Психологическими мотивами этого сна нельзя объяснить. Положим, Марья Гавриловна втайне знает ненадежность своего

возлюбленного. Владимир, конечно, не герой, он — бледная личность; Марья Гавриловна могла давно, не давая себе отчета, почувствовать в его фигуре, в глазах, в звуках его голоса — роковую обреченность, судьбу неудачника. За всем тем в ее сновидении остается неразгаданное ядро: предвидение насильственной смерти Владимира. Надо обратить внимание на одну подробность в изложении обоих снов, которой нельзя объяснить оплошностью автора. Пушкин писал обдуманно и тщательно. Действие рассказа происходит, как известно, зимою; и в первом сновидении Марьи Гавриловны, о гнев ее отца, правильно упоминаются сани и снег; очевидно, этот сон непосредственно продолжает сознательное, согласное с действительностью, мышление Марьи Гавриловны. Напротив, ее второй сон, о смерти Владимира, явно чужд ее сознанию и оторван от действительности: она видит Владимира лежащим *на траве*. Едва ли можно сомневаться, что этому второму сновидению Пушкин уммышленно придавал смысл фактического предвидения; из дальнейшего мы узнаем, что вскоре после той роковой ночи Владимир был смертельно ранен под Бородиным, 26 августа, т.-е. вероятно в самом деле «лежал *на траве*, блѣдный и окровавленный», как заранее приснилось Марье Гавриловне.

3. Сон Гринева. — Шестнадцатилетний Гринева едет в Оренбург, чтобы определиться на службу. В Симбирске, на постоялом дворе, он проиграл большую для него сумму денег и в довершение напился пьян. С беспокойной совестью, мучимый раскаяньем, он выезжает из Симбирска; конечно, вспоминает своего строгого отца, представляет себе его гнев и огорчение. К вечеру в степи пупников заспигает буран; сбившись с дороги, они беспомощно ждут среди вьюжной мглы, когда недалеко показывается прохожий. Они окликают его; в темноте его нельзя разглядеть; в разговоре Гринева удается только заметить, что мужик умен, хладнокровен, решителен; по крайней мере Гринева *сознает* только эти свои наблюдения, хотя бессознательно он уловил, как увидим, и многие другие черты незнакомца.

Прохожий берется довести их до жилья, садится на облучок, и кибитка прогаает. Дальше Гринев рассказывает так:

«Я опустил цыновку, закутался въ шубу и задремаль, убаюканный пѣніемъ бури и качкою пихой ѣзды.

«Мнѣ приснился сонъ, котораго никогда не могъ я позабытъ и въ которомъ до сихъ поръ вижу нѣчто пророческое, когда соображаю съ нимъ спранныя обстоятельства моей жизни. Читатель извинитъ меня, ибо, вѣроятно, знаешь по опыту, какъ сродно челоуѣку предаваться суевѣрію, несмотря на всевозможное презрѣніе къ предразсудкамъ.

«Я находился въ томъ состояніи чувствъ и души, когда существенность, уступая мечпаніямъ, сливается съ ними въ неясныхъ видѣніяхъ первосонія. Мнѣ казалось, буранъ еще свирѣпствовалъ, и мы еще блуждали по снѣжной пустынѣ... Вдругъ увидѣлъ я ворота—и въѣхалъ на барскій дворъ нашей усадьбы. Первою мыслію моею было опасеніе, чпобы батюшка не прогнѣвался на меня за невольное возвращеніе подъ кровлю родительскую, и не почель бы его умышленнымъ послушаніемъ. Съ безпокойствомъ я выпрыгнулъ изъ кибитки и вижу: матушка встрѣчаетъ меня на крыльцѣ съ видомъ глубокаго огорченія. «Тише», говоритъ она мнѣ: «отецъ боленъ, при смерти, и желаетъ съ побою проспитъся». Пораженный страхомъ, я иду за нею въ спальню. Вижу, комната слабо освѣщена; у постели стоятъ люди съ печальными лицами. Я тихонько подхожу къ постели; матушка приподнимаетъ пологъ и говоритъ: «Андрей Петровичъ, Петруша пріѣхалъ; онъ воропился, узнавъ о пвоей болѣзни; благослови его». Я спалъ на колѣни и устремилъ глаза мои на больного. Чпо жъ?.. Въмѣсто отца моего вижу, въ постели лежитъ мужикъ съ черной бородою, весело на меня поглядывая. Я въ недоумѣніи обратился къ матушкѣ, говоря ей: «Что это значитъ? Это не батюшка. И съ какой стати проситъ благословенія мужика?»—«Все равно, Петруша», отвѣчала мнѣ матушка: «это твой посаженный отецъ; поцѣлуй у него ручку, и пусть онъ тебя благословитъ». Я не соглашался. Тогда мужикъ

вскочилъ съ постели, выхватилъ попоръ изъ-за спины и спалъ махатъ во всѣ стороны. Я хотѣлъ бѣжать... и не могъ; комната наполнилась мерзвыми тѣлами; я спотыкался о тѣла и скользилъ въ кровавыхъ лужахъ... Спашный мужикъ ласково меня кликалъ, говоря: «Не бойсь, подойди подъ мое благословеніе...». Ужась и недоумѣніе овладѣли мною. И въ минуту я проснулся».

И этот сон, как предыдущие два, распадается на две части. Первая—возвращение в родительский дом и болезнь отца—легко могла возникнуть из тех покаянных мыслей молодого Гринева после его безобразного купежа в Симбирске. Но вторая половина сна—откуда она? Некоторые элементы ее несомненно даны действительностью. Очевидно, молодой Гринева и во мгле метели разглядел особенный блеск глаз и черную бороду Пугачева и почувал в нем, сам не сознавая того, большую и жестокую силу, способность к бунту и безудержный размах. И все же эту вторую часть сна никак нельзя объяснить рационально: она явно содержит в себе пророчество. Никакие наблюдения не могли дать повода Гринева предвидеть, что этот встречный мужик спанет на его глазах зачинщиком *многолюдного* кровопролития, что среди этого кровопролития он не только не пронет его, Гринева, но неизменно будет ласков с ним, наконец, что он действительно сыграет в отношении его роль посаженного отца, что, и то, и другое, и третье, как известно, чудесным образом осуществилось впоследствии.

Из пяти сновидений, изображенных Пушкиным, я умышленно, нарушая хронологический порядок, сопоставил три: сон Руслана, сон Марьи Гавриловны и сон Гринева, потому что все три построены по одному плану. Такое проективное повторение плана на далеком расстоянии времени (1819—1833) несомненно доказывает, что он был продуман и сознательно усвоен Пушкиным. План этот, как мне кажется, Пушкин наметил в словах Гринева: «...то состояніе *чувствъ и души, когда существенность, уступая мечтаніямъ, сливается съ ними въ неясныхъ видѣніяхъ первосонія*». Очевидно, по мысли Пушкина, сновидение строится из элемен-

пов двойкого рода: из восприятий («существенность») и из свободных образов фантазии («мечтанія»); и Пушкин различает в сновидении два этапа: сначала восприятия только уступают игре воображения, затем тонут в ней. Именно так построены те три сна. В каждом из них ясно различаются—во-первых, начальная картина, где на сцене—исключительно реальные душевные образы—мысли, чувства, восприятия, непосредственно возникшие из действительности; во сне эти образы являются, конечно, преображенными: ими уже овладевает, вступая в силу, пробуждающаяся фантазия, или, по терминологии Пушкина, «существенность уступает мечтаніямъ», «чувства» уступают «душѣ». И, во-вторых, последующая картина, где реальные душевные образы уже поглощены и претворены воображением. Здесь «душа» творит уже не только формы видения,—она из едва уловимых чувственных восприятий создает грандиозные, полные иной существенности образы. Первая картина—существенность: падение Людмилы в бездну и устремление Руслана вслед за нею; отец силою удерживает Марью Гавриловну от бегства; Гринев застаёт своего отца при смерти. Вторая картина—мечтанія: Руслан видит Фарлафа, входящего с Людмилой в гробницу Владимира; Марья Гавриловна видит своего жениха окровавленным на траве; Гринев видит своего случайного вожака разбойником и своим посаженным отцом. Последовательность каждой пары картин—точно чудесный перелет из одного мира в другой; и любопытно, что в первых двух сновидениях—Руслана и Марьи Гавриловны—Пушкин изобразил этот переход от чувственного к пророческому в виде столь обычного в сонных грезах ощущения стремительного падения вниз; раздельная черта между обоими видениями Руслана—он «спремглавъ лепитъ» в бездну, и в «Метели» Марья Гавриловна «спремглавъ лепитъ» в подземелье «съ неизъяснимымъ замираніемъ сердца». Должно быть, Пушкин часто испытывал во сне это чувство быстрого падения.

4. Сон Отрепьева.—Григорий Отрепьев—пока только послушник в монастыре. По всему изложению Пуш-

кина видно, что в сознании Григория еще неп и зародыша мысли о самозванстве. Но в нем бродят спранные чувства. Ничтожнейший из монастырской братии, он мечтает о ратных подвигах, о блеске и славе, и будто тайный голос нашептывает ему, что он и вправе припятать на них. Он говорит Пимену, который уж верно был не ровня ему по происхождению:

Какъ весело провель свою ты младость!
Ты воевалъ подь башнями Казани,
Ты ратъ Липвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣль дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливы! а я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скипаюсь, бѣднѣй инокъ!
*Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?*

Эта безрассудная мечта—сидеть за царским столом—могла родиться в нем только из органической самоуверенности, из смутного ощущения в себе больших и неиспользованных сил совсем другого порядка, нежели какими он пробавляется в своем настоящем положении.

Безопчетное самосознание Григория, днем разорванное и заплеваемое действительностью, во сне сгущается и образует плотное ядро: это—завязь сна, который снится Григорию. Сон этот не случаен: Пушкин дважды указывает, что он снится Григорию уже в третий раз; очевидно, сама воля настойчиво расцветает этим ночным цветком. Вот сон Григория.

Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ.
И стыдно мнѣ, и страшно становилось,—
И, падая спремглавъ, я пробуждался.

Поистине, вещий сон! В сознании своего врожденного права Григорий предчувствует свое быстрое возвышение; но тут же открывается, что его самоуверенность—непол-

ная, шаткая: он знает безотчетным знанием, что, достигнув вершины, он будет чувствовать себя узурпатором. Наполеон в своих честолюбивых мечтах, конечно, не предвидел себя ни преступным, ни смешным, а Онегин заранее слышит смех толпы и предчувствует свой стыд и испуг; и он очень верно соображает, что эта шаткость самоверия неминуемо погубит его.

Итак, сон Онегина по содержанию совершенно психологичен, по форме символичен; в нем нет ничего чудесного, но он окажется пророческим, потому что психологически — верен. Сновидение Онегина целиком соткано из внутренних восприятий: он только разоблачает их; и вот характерно для мысли Пушкина, что сознание Онегина упорно отказывается признать их, отвергает их, как клевету и наводнение. Он называет свой сон «проклятым сном» и говорит Пимену:

А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мучилъ.

Так, по мысли Пушкина, сознание слепо на вещи, уже вполне ясные бессознательному разуму.

5. Наиболее тщательно обработан Пушкиным и наиболее подробно изложен сон *Татьяны* в «Онегинъ»; Пушкин не пожалел на него целых десяти строк, точнее — 145 стихов.

Весь «Евгений Онегинъ» — как ряд открытых светлых комнат, по которым мы свободно ходим и разглядываем все, что в них есть. Но вот в самой середине здания — тайник; дверь заперта, мы смотрим в окно — внутри все загадочные вещи; это «сонъ Татьяны». И странно: как могли люди столько лет проходить мимо запертой двери, не любопытствуя узнать, что за нею и зачем Пушкин устроил внутри дома это тайнохранилище. Ведь ясно: он спрятал здесь самое ценное, что есть в доме, или, по крайней мере, самое заповедное. Но, может быть, именно глубина замысла и тщательная обдуманность изображения сделала этот сон из всех пяти наиболее трудным для понимания; Пушкин умел, когда хотел, прятать концы

в воду. Сон Татьяны несомненно зашифрован в образах; чтобы прочитать его, надо найти ключ шифра; другими словами, надо так полно уразуметь весь сон в целом, чтобы стала понятной каждая отдельная его подробность, как необходимая часть целого. Я не берусь разгадать мысль Пушкина,—быть может, это удастся кому-нибудь другому; пока же, за неимением лучшего, изложу то единственное толкование, какое встрепилось мне в литературе¹.

Оно находится в крохотной десятикопеечной брошюрке, носящей не по роспу и не по праву большое заглавие: «Тайна поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин»». Автор брошюрки—г. С. Судиенко, издана в Твери в 1909 г. Оспранности ее пона могут дать представление следующие строки из предисловия: сказав об обычном пренебрежительном отношении к снам, автор заявляет, что такое отношение в общем правильно,—«но не всегда. Есть блестящие исключения. Сон библейского фараона, например, спас от голода целое государство, Египет, и послужил одной из причин переселения в это государство израильян и тем дал толчок всей дальнейшей их истории». И тут же непосредственно: «Сон Татьяны *то же* имеет крайне важное значение». Именно, автор полагает, что в этом сне «заключена в символическом виде загадка поэмы, тайна ее». Как сейчас видно будет, автор смешивает символику с аллегорией: его толкование—чисто аллегорическое.

Начало сна (Татьяне снится, что она «идет по снеговой поляне, печальной мглой окружена») объясняется так: Татьяна жила в глухой деревушке, среди тупого и невежественного общества, без единой близкой души, в полном одиночестве; итак, не был ли ее жизненный путь во всем похож на эту картину, видимую ей во сне, «не был ли он так же холоден, как снеговая поляна, отъ

¹ Отмечу, впрочем, еще любопытное сообщение В. ф. Боцяновского о том, что некоторые черты сна Татьяны—облики чудовищ—заимствованы Пушкиным частью из русской лубочной картины конца XVIII века «Бесы искушают св. Антония», частью из картины Иеронима Босха «Искушение св. Антония» («Незамеченное у Пушкина» в «Вестнике Литературы», 1921 г., № 6—7 (30—31).

отсутствия согревающей родительской и родственной любви и человеческих отношений знакомых? — и, идя по нему, не была ли она «печальной мглой окружена»?

Далее, бурливый ручей среди сугробов, останавливающий Татьяну, — «это та граница, то пространство, которое разделяет людей между собою и препятствует им вступать во взаимные отношения друг с другом»; он «седой», т. е. вековечный, «темный», т. е. таинственный, «кипучий», потому что сердечное единение, совершающееся чрез него, немислимо без кипения страстей, и т. д. Чрез ручей перекинута две жердочки, склеенные льдом: эти две жердочки, образующие «дрожащий, гибельный мосток», — не что иное, как две встречи Татьяны с Онегиным, бывшие до ее сна. Онегин находится по ту сторону ручья и не он помогает Татьяне перебраться: ей помогает перейти через ручей на сторону Онегина медведь, знаменующий *случай*. Именно случай, смерть дяди, забросил Онегина в соседство Татьяны, и случай одновременно вернул в деревню Ленского, который и ввел Онегина в дом Лариных. После свидания с Онегиным в саду будущее затмилось для Татьяны, и тщи назад, т. е. разлюбить, забыть Онегина, она не может, а вперед дороги нет, впереди — мрак. Так и во сне, перейдя ручей, Татьяна видит пред собой лес, в котором дороги нет; и все же она не возвращается, а вступает в дремучую чащу и мучительно продирается сквозь нее, как мучительно идут ее дни после свидания в саду.

До сих пор сон Татьяны аллегорически изображает прошлое, а с той минуты, как она очутилась у шалаша, он становится пророчеством. Все дальнейшие видения Татьяны: пир Онегина с чудовищами, ее встреча с ним во время этого пира, появление Ольги и Ленского, ссора между Онегиным и Ленским, и смерть Ленского от руки Онегина, — «целиком и почти с буквальной точностью» выполняются чрез несколько дней — в день именин Татьяны.

На этом объяснение прерывается: дальше следуют еще только загадочные строки, которыми и кончается брошюрка: «Но это не все. В нем (т. е. во сне Татьяны) за-

ключено еще нечто, если не пророческое, то во всяком случае очень интересное и важное для людей. Это нечто — целая, довольно значительная область человеческого духа, бывшая до Пушкина недостаточно сознанный человеческим. Мыслитель-поэт обстоятельно знакомит нас с этой областью в своей великой поэме «Евгений Онегин» и главным образом во сне Татьяны. Но это достаточный предмет для самостоятельного исследования, и мы займемся им в отдельном труде». Однако своего заманчивого обещания автор за десять лет не исполнил, и «тайна поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин» рискует навсегда остаться неразоблаченной.

Что сказать о выдумке г. Судьенки? Она соблазнительна уже тем, что представляет сон Татьяны как последовательный ряд однородных звеньев, как аллгорию от начала до конца. Другое дело — верна ли она по существу. Другой такой многочленной аллгории мы не имеем в творчестве Пушкина. Во всяком случае, одно из явлений Татьянина сна прозрачно с первого взгляда: в облике чудищ, пирующих с Онегиным в лесном шалаше, Пушкин несомненно изобразил провинциальное общество, всех этих Пустяковых, Петушковых, Гвоздевых, Фляновых, Буяновых, Харликовых, которые потом в подлинном виде наполняют дом Лариных в день именин Татьяны¹. Возможно, что снежная поляна и мгла кругом действительно изображают глухую, одинокую жизнь Татьяны, что ручей — действительно тот невидимый рубеж, который отделяет ее от широкой и шумной жизни, что две жердочки, склеенные льдом, — ее два свидания с Онегиным, и т. д. Но о таких *фактических* догадках можно сказать словами древнего Ксенофана:

И если бь кто намъ истину открыль,—
То истина иль нѣтъ, онъ знать не могъ бы.

Они не принудительны, потому что лишены той непосредственной очевидности, которая одна разрешает загадки.

Но оставим полкование г. Судьенки. Фабула сна есть

¹ См. о «Бесах» в моей книге «Мудрость Пушкина».

только форма; эти фантастические картины и образы, которые Татьяна видит во сне, порождены ее душевным состоянием; ее душевное состояние и есть сущность, сказывающаяся в тех образах. Эта «основа» сна настолько явственно просвечивает сквозь узор, что по крайней мере ее главные линии непрудно разглядеть.

Самое существенное в сне Татьяны,—зерно, из которого он вырос,—без сомнения, ее любовь к Онегину и ее тайное знание о нем. Она идет по снежной поляне, не сознавая, куда и зачем; но темная воля влечет ее к Онегину, и верное чутье приводит к нему. Она многое знает об Онегине, чего не сознает наяву, и ее сон являет нам эти ее знания в зримых образах. Она знает прежде всего: Онегин—царственная натура, и люди невольно чтут в нем своего властелина; на том бесовском шабаше в лесу чудовища рабски повинуются его манованиям:

Онъ знакъ подаспъ—и всѣ хлопчуть;
Онъ пѣспъ—всѣ пѣютъ и всѣ кричашъ;
Онъ засмѣется—всѣ хохочуть;
Нахмуришь брови—всѣ молчашъ.

Она знает: Онегин знает, что она придет, и уверенно ждет ее: он из-за пиршественного стола «въ дверь украдкою глядитъ» и, дождавшись наконец, услышав, что приотворилась дверь, мгновенно идет к ней, «взорами сверкая», толкает дверь—и грозным криком: «Мое», п.-е. «она моя!», изгоняет чудищ, чтобы остаться с нею наедине. И дальше грезится ей, что Онегин тихо увлекает ее в угол, слагает на скамью и клонит голову к ней на плечо: столько любви и нежности она знает в его сердце,—к ней! да, к ней! наперекор его холодности наяву и его рассудочным речам. Объяснение в саду предшествовало сну, но Татьяна точно не знает о нем; холодное заявление Онегина, что он не любит ее, прошло мимо нее,—она безотчетным знанием знает другое. Да, они связаны нездешними узами, она была права, когда писала ему:

То въ высшемъ суждено совѣтъ,
То воля неба—я твоя.

Его засоренная душа не узнала ее сразу, как она узнала его («Ты *чуть* вошелъ, — я *в мигъ* узнала»); но недаром годы спустя в его сердце вспыхнет запоздалая страсть к ней.

Она знает еще, и это ее знание всего поразительнее: она знает, что в сердце Онегина плещет ненависть к Ленскому, которая когда-нибудь вспыхнет пожаром. На яву этого не знает ни она, ни сам Онегин, — о Ленском нечего говорить; между тем в ее чувстве несомненно есть крупица правды. Онегин не может, не должен любить Ленского. Пушкин говорит о них:

Волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой;

они стали «*отъ дѣлатъ нечего* друзья». Онегин по природе «не имеет здесь пребывающего града», он ненавидит всякую стапикку, оседлость тела и духа, как болотный застой, ему спрашно и подумать о том, чтобы «ограничить свою жизнь домашнимъ кругомъ», коснуться в семейном блаженстве. За эту оседлость он и презирает своих соседей-помещиков. Но Ленский хуже их, потому что он — плоть от плоти этого общества, он по духу — тот же Пустяков, Скопинин, Ларин, прун, как они, но подрумяненный молодостью, поэзией, Гёттингенством. Оседлость — его стихия, семейное блаженство — его мечта; ему «никогда не снились» рабство и скука семейной жизни —

Мой *бѣднѣй* Ленскій! сердцемъ онъ
Для оной жизни былъ рождень.

Оттого он и выбрал Ольгу — по сродству душ, потому что и она «для оной жизни рождена». И вот прелюдия их будущей жизни: он читает ей нравоучительный роман, — пропуская опасные места, или играет с нею в шахматы, а дома рисует ей в альбом пошлые картинки или «темно и вяло» пишет любовные элегии. Не таковы ли были в пору сваповспва отец и мать Татьяны и Ольги и полстый

Пустяков со своей дородной супругой? и разве—все, что мы знаем о Ленском, не говорим за то, что, останься он жив,—

Прошли бы юношества лета,
 Въ немъ пыль души бы охладѣла;
 Во многомъ онъ бы измѣнился,
 Разстался с музами, женился,
 В деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
 Носилъ бы спеганый халатъ;
 Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ:
 Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
 Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
 И, наконецъ, въ своей постелѣ
 Скончался бъ посреди дѣтей,
 Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей,—

точь-в-точь как Демприй Ларин, «Господний раб и бригадир»?

Онегин мог «от делатъ нечего» коротатъ часы с Ленским в деревенской глуши, мог даже ласкатъ его до времени, «сердечно юношу любя»; его подкупали юность, романтизм и Гёппингенство, а поглубже узнавъ свое чувство к Ленскому мешала лень. Но неп сомнѣния: в нем возбуждали пошному и любовные излияния Ленского, и его стихи, и Ольга, и их пресно-припорный роман. В глубине души его давно мучило, может бытъ даже не раз подмывало спугнуть это пошлое прекраснодушие,—и так человчески-понятно, что в минути досады на Ленского он дал волю своему злему чувству,—раздразнил Ленского, закружил Ольгу, как мальчишка бросает камешек в воркующих голубей! Это была только мальчишеская выходка, но она имела глубокие корни; вот почему дело сразу приняло такой серьезный оборот. Иначе Онегин не допустил бы дуэли, он, как взрослый, успокоил бы обиженного ребенка; и, даже допустив дуэль, он обратил бы ее в шутку. Но чувство темное, сильное, злое направляло его руку, когда он первый поднял пистолет и выстрелил—не на воздух, а под грудь врагу, т.-е. уверенно-смертельно.

Сон Тамьяны показывает, что она бессознательно знала это пайное чувство Онегина к Ленскому, неведомое ему самому. Он показывает также, что она бессозна-

пельно знала и нечто другое. Во сне она видит Онегина пылким и нежным к ней; их счастье близко; что же внезапно и бесповоротно спугнуло его? Как странно: их счастье спугнуло *появление Ольги и Ленского*. Напомню последнюю сцену ее сна; положив ее на скамью, Онегин клонил голову к ней на плечо,—

вдруг Ольга входитъ,
За нею Ленскій, свѣтъ блеснулъ:
Онѣгинъ руку замахнулъ,
И дико онъ очами бродитъ,
И незваныхъ гостей бранитъ:
Татьяна чуть жива лежитъ.
Споръ громче, громче; вдругъ Евгений
Хватаетъ длинный ножъ, и въ мигъ
Повержень Ленскій. Спрашно пѣни
Сгустились; нестерпимый крикъ
Раздался... хижина шатнулась...
И Таня въ ужасѣ проснулась...

Помеха их счастью—Ольга с Ленским, и Онегин убивает Ленского именно за то, что Ленский помешал его счастью с Татьяной: так бессознательно чувствует Татьяна. От Татьяны ни на минуту не укрылось своеобразие Онегина среди окружающих ее людей; он—крылатый и реет в вышине, *они* все бродят по земле; она и себя мыслит такою же («вообрази: я здѣсь одна, никто меня не понимает...») и оттого уверена, что они предназначены друг для друга. И счастье нужно Онегину пламенное, молниеносное, а *их* мещанское счастье ему ненавистно—в том числе и сладенькое благополучие Ольги с Ленским. Он в ней, в Татьяне, узнал родную душу, и непременно соединился бы с нею, если бы ему не предстоял в эти дни пугающий пример, карриатура того же соединения: пошлый роман Ленского с Ольгой.

И все же во сне Татьяны, как во всех остальных четырёх сновидениях, рассмотренных мною, есть предвидение *факта*, не поддающееся рассудочному толкованию: предвидение убийства Ленского Онегиным. В обстановке Татьяны и в ее мировоззрении убийство и даже дуэль—чуждые, невероятные события. Глухая вражда может по-

вести к открытому разрыву—но и только. В нормальном состоянии чувств ей никогда не могла бы померещиться такая возможность.

Пять сновидений, изображенных Пушкиным, оказались как бы пятью вариациями одной и той же темы,—до такой степени они совпадают в своих главных чертах. И это основное в них, как легко понять, выходит далеко за пределы сновидения: здесь приоткрывается пред нами общее представление Пушкина о строе и движениях человеческого духа.

Он понимал сон, очевидно, как внутреннее видение души. Едва прекратился приток новых восприятий душа как бы замыкается и остается наедине сама с собой. Она полна накопленных знаний, бесчисленных наблюдений над миром и над самой собою: теперь они все выступают в круг ее созерцания. Человек воспринимает несравненно больше того, что доходит до его сознания; несметные восприятия, тончайшие, едва уловимые, непрерывно западают в душу и скопляются в темных глубинах памяти, как в море не прекращающимся и ровным дождем падают с поверхности на дно микроскопические раковины мертвых инфузорий. Но эти бессознательные знания души не мертвы: они только затаяны во время бодрствования; они живы, и в сонном сознании—им раздолье. Татьяна знает многое такое об Онегине, Марья Гавриловна—о Владимире, Гринев—о Пугачеве, а Отрепьев—о самом себе, чего они отдаленно не сознают наяву. Из этих-то заповедных, тонких знаний, накопленных в опыте, душа созидает сновидения: такова мысль Пушкина.

Он представлял себе сонное творчество души, повидимому, однородным с деятельностью дневного ума. Эти странные знания не разрознены в памяти, не обрывки, не клочки. Они наводняют душу, но душа овладевает ими, координирует их и связывает логически; она во сне обрабатывает, и мыслит, и созидает из того материала стройные образы. Сонные грезы, изображенные Пушкиным, совершенно осмысленны, но логическое рассуждение в них подспудно

и невидимо, п.-е. обнаруживается уже готовым видением, зримым образом. В самом видении по ходу действия пробегают логические нити; Гринев во сне боится, что отец рассердится за его возвращение, удивляется при виде незнакомого мужика, лежащего в опцовской постели, отказывается целовать у него руку; Татьяна во сне стыдится поднять край платья, приободряется, увидав, что Онегин — хозяин на пире чудовищ, и п. д. Но эти зримые нити рассуждения связывают части уже готового образа, самый же образ, как целое, есть результат глубоко скрытого мышления, но именно не результат произвольной игры фантазии, а результат мышления, п.-е. собирания и согласования тех бессознательных знаний о мире и о себе, которым сон открывает доступ в сознание.

Далее: мышление это совершенно так же, как мышление на яву, не только приводит в порядок свой материал, но из его упорядоченной совокупности умозаключает вероятное в будущем. Дневной рассудок предвидит на основании грубо-чувственного знания, ночной разум предвидит на основании тончайших восприятий; и соответственно различны их предвидения. Рассудочное предвидение правдоподобно для рассудка, предвидение сна пред судом рассудка — дикий бред; но в нем скрыто пророчество мудрое и верное, потому что основанное на тончайших показаниях чувств. И опять — логический процесс предвидения и здесь остается скрытым: налицо лишь его итог — законченный пророческий образ; Отрепьев себя *видит* падающим с башни, Марья Гавриловна видит Владимира мертвым, Татьяна видит Онегина убивающим Ленского и п. п., — и это видение нам кажется чудом. Итак, мышление совершается не только в верхнем слое человеческого духа: оно пронизывает всю толщу духа до глубин. Самая пламенная фантастика и самое смутное чаяние еще скреплены внутренне размышлением как цементом. И я думаю, философия сновидения, которую я открываю в творчестве Пушкина, сложилась у него позже безотчетно и вместе логически, работою разума в темной глубине души.

ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ
Общества Любителей Российской Словесности

ПУШКИН

СБОРНИК ПЕРВЫЙ

редакция Н. К. ПИКСАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1924